

Аннотация

доклада проф. В.В. Калашникова, подготовленного для семинара
СПБНИИ РАН (25 апреля 2025 г.)

**Тема : «О некоторых ключевых проблемах историографии Великой
русской революции»**

1. Краткая презентация сборника трудов ежегодной Санкт-петербургской конференции по проблемам историографии, состоявшейся в декабре 2024 года. Три части: Вопросник. Статьи. Персоналии¹.

2. Презентация и интерпретация ответов на наиболее важные вопросы, разосланные участникам конференции:

1. Как Вы определяете *социально-экономический* характер (смысл, суть, природу):

1.1. Февральской революции?

1.2. Октябрьской революции?

2. Готовы ли Вы признать тезис о *закономерном* характере:

2.1. Февральской революции?

2.2. Октябрьской революции?

2.3. Русской революции в целом?

5. Готовы ли Вы принять традиционный в советской историографии тезис об *исторической необходимости* Октябрьской революции:

5.1. Как выхода из острого кризиса, созданного действиями царского и Временного правительств?

5.2. Как единственно реального способа преодоления нарастающего отставания России от передовых стран Запада в эпоху империализма – борьбы за передел мира (тезис Ленина: «погибнуть или догнать»)

3. Презентация и интерпретация ответов на другие вопросы, разосланные участникам конференции.

¹ Сборник доступен по ссылкам: https://etu.ru/assets/files/sbornik-ikgp-24-s-oblozhkoj_itog.pdf
<https://independent.academia.edu/ВладимирКалашников1>

Сокращенная запись

выступления проф. В.В. Калашникова на семинаре в СПб ИИ РАН
27 марта 2014 года (руководитель семинара Н.Н. Смирнов)²

Коллеги, добрый вечер.

Спасибо Николаю Николаевичу за возможность представить последний сборник нашей ежегодной конференции – одиннадцатый по счету в рамках Проекта, который стартовал в ноябре 2012 г., т.е. в 95-ю годовщину Октябрьской революции. Тогда состоялась городская межвузовская конференция как результат совместных усилий сотрудников СПб ИИ РАН (отдел Николая Николаевича Смирнова по истории революций и общественных движений), преподавателей кафедры новейшей истории России СПбГУ (Михаил Викторович Ходяков) и кафедры отечественной истории РГПУ имени Герцена (Андрей Борисович Николаев), а также моей кафедры в ЭТУ, на базе которой наши конференции стали традиционно проводиться. Пришли наши «аксакалы»: Рафаил Шоломович Ганелин, фактический инициатор проекта, Геннадий Леонтьевич Соболев, Михаил Павлович Ирошников.

Было интересно, и конференция стала ежегодной, круг участников расширялся. С 2017 г. она превратилась в международную благодаря поддержке проф. Алекса Рабиновича. Он согласился стать зарубежным куратором конференции. В этом году Александр Евгеньевич впервые не прислал свою статью, он очень неважно себя чувствовал, но недавно я получил письмо, написанное с оптимизмом. Он собирался участвовать в нашей сегодняшней встрече. К сожалению, в последнем сборнике нет и традиционной статьи

² Ссылка на видеозапись доклада в Youtube: <https://www.youtube.com/watch?v=Avp7pgwZzLY&t=2s>

Генриха Иоффе, известного советского историка, который последние годы жил в Канаде и также был непременным участником наших конференций. В начале марта он умер. Светлая память ему, Ганелину, Ананьичу, Ирошникову, Старцеву и всем тем, у кого мы учились, с кем мы дружили, и кто покинул этот мир.

Наша конференция имеет организационные особенности, связанные с ее историографическим уклоном:

1) мы приглашаем участников *персонально*, видных специалистов с разными точками зрения и *разных* поколений; делается это для того чтобы представить весь спектр историографических позиций и иметь возможность их обсудить;

2) часто рассылаем предварительно так называемые «Вопросники» по актуальным проблемам историографии. Обычно вопросник состоит из 10 вопросов, к каждому вопросу предлагается два-три варианта ответа, которые отражают основные точки зрения, существующие в историографии, а последний вариант называется «Иное» — для тех, кого не устраивали ранее предложенные.

Материалы конференции пользуются определенной популярностью. Так, на международной научной платформе Academia.edu сегодня они входят в топ 2% в категориях «Русская революция» и «Гражданская война». Всего было более 10 тыс. просмотров и скачиваний. Последний сборник за первые три дня после размещения посмотрело около 100 ученых из разных стран, и он вышел в топ 3% из числа новых работ историч. профиля.

В основе последнего сборника лежит Вопросник, призванный дать материал для сравнительного анализа советской и постсоветской историографии Революции и Гражданской войны. В силу широты темы Вопросник не предлагал вариантов ответов. Тем не менее ответы позволяют выделить ряд *доминирующих* тенденций. Скажу только о двух из них.

Во-первых, опрос дает основание говорить о том, что в последние годы все большее число ученых уважительно относятся к советской историографии и не принимают прежнюю манеру пренебрежительного отношения, которая была навязана в 1990-е годы. Это радует. В тоже время многие историки до сих пор по привычке повторяют некоторые антисоветские историографические штампы 1990-х, веря в их достоверность. В качестве примера я привожу распространенное утверждение о том, что советские историки якобы разделяли примитивный тезис о **«предопределенности»** или **«неизбежности»** как Февральской, так и Октябрьской революций. Советские историки этого не делали по той простой причине, что руководствовались *истматом* как общей теорией истории. В истмате есть понятия «закономерность», «необходимость» и «случайность», но нет понятия «предопределенность» в отношении *конкретных* исторических событий. Все приличные историки-марксисты всегда признавали альтернативность в развитии конкретно-исторического процесса. Немаловажно отметить, что тезиса о неизбежности или предопределенности Февральской и Октябрьской революций нет ни у Ленина, ни у Сталина, ни в «Кратком курсе», ни в программных документах

КПСС. Позиция советских историков в отношении Октября гласит: пролетарская революция была *закономерным и необходимым* событием в ситуации, сложившейся в России к октябрю 1917 г., но в победе большевиков решающую роль в конечном счете сыграл *субъективный* фактор, т.е. победы могло и не быть. Эта трактовка наиболее откровенно звучала в работах историков «ленинградской школы». На конференции в юбилейном 1967 г. мой учитель проф. Н.А. Корнатовский говорил: «Октябрьская революция придала в конечном итоге решающее значение субъективному фактору ... стала возможной *только* потому, что во главе российского пролетариата и его политической партии стоял В. И. Ленин»³. Эта идея лежит и в основе ленинградского двухтомника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Один из его основных авторов Виталий Старцев категорично утверждал, что «*только* огромная воля и энергия Ленина ... позволили» обеспечить успех Октябрьской революции⁴. Московский историк академик И. И. Минц говорил о «неизбежности» Октября, трактуя этот термин как «закономерность», но не как «предопределенность». Минц, как и все другие историки революции, в своих работах цитировали октябрьские письма Ленина о восстании, которые содержали фразы типа «промедление смерти подобно», «Нельзя ждать!! Можно потерять все!!». Такие оценки Ленина были не совместимы с тезисом о «предопределенности» победы большевиков.

Вопрос: кто приписал советским историкам этот примитивный тезис? Ответ: в 1990-е годы его активно пропагандировал Ричард Пайпс – весьма своеобразный, далеко не академический ученый, руководитель Команды «Б», созданной в ЦРУ Джорджем Бушем в 70-е гг. Команда «Б» была создана в противовес команде «А» – традиционных аналитиков ЦРУ. Буш считал, что они недооценивают советскую угрозу и не хотят вести против СССР активную гибридную войну, а Пайпс давал аналитику, которая всячески преувеличивала «советскую угрозу», срывая политику «разрядки», которую вел Брежнев. За слишком жесткие оценки, высказанные публично, Пайпса удалили из команды, и он сосредоточился на ведении идеологических войн против советской историографии и против тех западных историков, которые в 1970-80-е гг. составляли школу «ревизионистов». Историки-«ревизионисты» признали глубокий народный характер Октября и отбросили тезис о верхушечном перевороте, который якобы совершили большевики, опираясь на иррациональные стремления темных масс. После 1991 г. Пайпс разгромил школу «ревизионистов» не научными аргументами, а жесткими обвинениями в переходе на позиции советских историков. Об этой особой роли Пайпса на Западе мало, кто говорит. Один из смельчаков – проф. Рекс Уэйд, и я неслучайно поместил в наш сборник его статью по *англоязычной* историографии Революции 1917 г., где Уэйд аккуратно показал, что сделал Пайпс.

³ Корнатовский Н. А. В. И. Ленин в Октябрьской революции // 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3–5.

⁴ Ленин и Октябрьское вооруж. восстание в Петрограде. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 62, 81, 464.

Как вы знаете, после 1991 года книги Пайпса были переведены на русский и рекомендованы к широкому изучению. В них Пайпс целенаправленно формировал *постсоветскую историографию как антисоветскую*. Многие положения современной отечественной историографии заимствованы у Пайпса. Достаточно вспомнить центральный тезис Пайпса о том, что Русская революция *была прежде всего «обусловлена культурными и политическими проблемами», а не социально-экономическими конфликтами*. Как вы помните в советской историографии доминировал тезис о том, что культурные, ментальные и политические проблемы, как правило, имеют социально-экономические корни. А усилиями Пайпса и его сторонников этот тезис был признан устаревшим. Теперь культура и ментальность появляются сами по себе из воздуха.

С моей точки зрения, именно заимствование концепции Пайпса создала кризисную ситуацию в постсоветской историографии Русской революции. В чем проявляется кризис? В наличии взаимоисключающих точек зрения по важнейшим вопросам даже в коллективных монографиях, которые по смыслу жанра должны представлять общую позицию. Отмечу, что многие из участников нашего последнего опроса в качестве *главной слабости* постсоветской историографии назвали отсутствие *авторитетной общей* концепции революции и гражданской войны. И это – второй важный вывод, который дает анализ ответов на Вопросник сборника.

II. Теперь о моей статье. Статья написана на основе моих прежних работ. В ней нет ничего принципиально нового по сравнению с тем, что я писал в наших сборниках в прошлые годы. Я просто собрал вместе ряд наиболее важных историографических сюжетов. Моя цель: обсудить ряд наиболее сложных проблем в трактовке истории Русской революции с тем, чтобы помочь своим коллегам в подготовке качественного тома по истории Русской революции, который готовится в ИРИ РАН в рамках работы по созданию «Истории России» в 20 томах. Двадцатитомник – государственный проект, рассчитанный на много лет. Его трактовки призваны давать ориентиры преподавателям вузов и школ. Важно, чтобы ориентиры были правильными. Мы все в этом заинтересованы.

Как я стремился решить свою задачу? Обратился к последним крупным работам, изданным под грифом ИРИ РАН.

Осенью 2022 г. мы подготовили сборник, посвященный окончанию гражданской войны и созданию СССР, и в этот сборник я поместил статью, критикуя концепцию, представленную в трехтомной энциклопедии «Россия в Гражданской войне», изданной в 2021 г. Критиковал главным образом за игнорирования фактора иностранной интервенции. Отзвук был, хотя и не быстрый. Несколько дней назад я был приглашен в РИО на круглый стол по проблемам Гражданской войны, который провел Сергей Евгеньевич Нарышкин. Я не здоров и поэтому не поехал, но на круглом столе речь шла о признании важной роли иностранной интервенции в истории Гражданской войны, чего не было в трехтомнике. Звучали и другие оценки, которые были и в моей статье. Не важно, как и почему произошел этот сдвиг, но он произошел. Я рад

этому обстоятельству, поскольку, признаюсь, когда читал ключевые статьи трехтомника не знал, что делать: то ли плакать, то ли смеяться, поскольку гражданская война изображалась без фактора интервенции. Не было даже статьи по интервенции.

В 2023 году я написал статью с критическим анализом юбилейного двухтомника «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура». Частично этот анализ повторял то, о чем я писал в своей книге в 2021 году и в других статьях⁵. Почему я выбрал именно этот труд? Во-первых, потому, что на сегодняшний день двухтомник является самым важным *коллективным продуктом* ИРИ РАН по истории Русской революции, поскольку формат *коллективной монографии* предполагает наличие общей точки зрения у авторов по ключевым вопросам. Во-вторых, потому, что ответственным редактором является директор ИРИ РАН Юрий Александрович Петров, что подтверждает статус двухтомника как продукта самого авторитетного для российских историков института. К тому же Юрий Александрович в своем обращении к читателю очень кратко, но точно изложил основные концептуальные позиции юбилейного двухтомника. Их легко выявить и комментировать. Я очень уважаю Юрия Александровича Петрова как крупнейшего специалиста в области экономической истории, но критикую его как автора вводного очерка, который представляет позиции других членов авторского коллектива. Обозначу наиболее важные позиции, с которыми не согласен.

Первая. Начну с концепции «красной смуты». Она присутствует в разделах двухтомника, написанных Владимиром Прохоровичем Булдаковым. Он трактует события Октябрьской революции как «параксизм бунта», «характерное ... соединение провокации и анархии, утопии и психоза»⁶. Иными словами, действия участников революции трактуются с акцентом на их *иррациональный* характер. Концепция «красной смуты» присутствует и в тезисе о том, что зима–весна 1918 г. были не периодом «триумфального шествия Советской власти», а временем «*торжества военизированной охлократии*», поскольку «власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к *вооруженным солдатским массам*. В сущности, *вся первая половина 1918 г. была временем торжества военизированной охлократии*»⁷. Авторы двухтомника считают, что это *доказали* «научные исследования последних лет».

По моему мнению, таких доказательств не может быть по той причине, что к весне 1918 г. завершилась демобилизация старой армии, и никаких «вооруженных солдатских масс» в губерниях в первую половину 1918 г. просто не было. Никакого «торжества охлоса» не было и до завершения демобилизации: в ноябре–декабре 1917 г. по всей стране спокойно проходили выборы в Учредительное собрание. В деревне, как известно, победили не большеви-

⁵ Калашников В. В. Новейшая историография Русской революции // Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: СПб., 2023. С. 130–162.

⁶ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 2. С. 24, 25.

⁷ Там же. Т. 1. С. 10–11.

ки, а их противники эсеры, а в столицах кадеты боролись за победу с большевиками и набрали много голосов, т.е. «вооруженный охлос» голосованию не помешал ни в городе, ни в деревне. А дальше я обращаю внимание на то, что те авторы двухтомника, которые писали специальные главы по истории становления Советской власти в провинции в первой половине 1918 года, ни слова не сказали о «власти охлоса», якобы подменившей Советы. С той же ситуацией мы сталкиваемся при анализе глав, посвященных крестьянству и написанных Виктором Викторовичем Кондрашиным), а также – рабочим (автор – покойный Авенир Павлович Корелин). В них тоже нет такого тезиса при описании событий первой половины 1918 г.⁸ Получается то, что я называю кризисной ситуацией: ИРИ РАН издает коллективную монографию, авторы которой расходятся в трактовке важнейшего вопроса о *социальной природе* Русской революции. Чем она была: сознательной борьбой рабочих и крестьян за свои законные интересы как утверждали советские историки, западные историки-«ревизионисты» и с чем согласна сегодня вся школа историков-аграрников, созданная Виктором Петровичем Даниловым, или революция была бунтом «охлоса», как считает Владимир Прохорович Булдаков? Владимир Прохорович несомненно очень крупный и талантливый историк, но по непонятным мне причинам является создателем современной версии концепции «красной смуты» в очень жестком варианте. Никто никогда не отрицал роль стихии и анархии в эпоху революции, но превращать эту черту в главную характеристику – значит просто оскорблять те поколения, которые построили государство, победившее фашизм.

Вторая позиция, с которой я не согласен, состоит в отказе авторов от ясного определения *социально-политического* смысла или *характера* как Февральской, так и Октябрьской революций. В вводном очерке Февраль ни разу не назван буржуазно-демократической революцией, а Октябрь – социалистической. Вопрос: а какие же это были революции? Ответа нет. Т.е. нет ответа на один из ключевых вопросов.

Третья позиция состоит в том, что авторы академического двухтомника не отвечают на два других главных вопроса. Признают они или отвергают: 1) *закономерность* и 2) историческую *необходимость* Октябрьской революции с точки зрения коренных интересов народов России. Советские историки признавали и закономерность, и необходимость Октября. В 1990-е годы сами термины были объявлены крамольными. Тех, кто продолжал их употреблять, объявляли неисправимыми догматиками, отставшими от современной научной мысли.

А как сейчас? С одной стороны, Юрий Александрович в вводном очерке говорит о необходимости «перейти к объективному осмыслению Русской революции как исторически *закономерного* звена непрерывного исторического развития России»⁹. С другой стороны, в двухтомнике нет тезиса об Октябре как закономерном событии. Есть робкая попытка *косвенно* признать эту за-

⁸ Там же. Т. 1. С. 268–279, 318–355.

⁹ Там же. Т. 1. С. 8.

кономерность через тезис о том, что «ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли укорениться на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа»¹⁰. Это косвенное признание сделал Петр Юрьевич Савельев в последних строчках главы по истории социал-демократии. Но прямо написать, что Октябрь был *закономерен* и тем более *необходим*, он не решился. В этой связи я позволил себе провести некоторое сравнение. В приведенной выше фразе Савельева трудно не увидеть скрытой цитаты из работы крупнейшего британского историка Э. Карра, который в 1950 г. в разгар «холодной войны» написал, что «буржуазная демократия и буржуазный капитализм западного образца ... не могли укорениться на российской почве», а далее Карр добавил то, на что не решился Савельев. Карр написал: «и поэтому политика Ленина была единственно приемлемой с практической точки зрения в конкретных условиях ... России»¹¹. Иными словами, британский историк в разгар «холодной войны» признал *необходимость* политики Ленина в той конкретной ситуации, которая сложилась для России в 1917 году. А авторы двухтомника ИРИ РАН либо не решились это сделать, либо дали отрицательный ответ.

Так, В. П. Булдаков крайне негативно трактовал все действия большевиков. Достаточно упомянуть его тезис о том, что Октябрь привел к власти людей, «менее всего склонных строить новую государственность. Их целью была мировая революция»¹². На мой взгляд, уже история борьбы Ленина за подписание Брестского мира в интересах сохранения Советской власти полностью опровергает тезис Булдакова. Т.е. мы опять сталкиваемся с двумя разными позициями.

Закончу свое выступление тем же обращением, что содержат две мои последние статьи: давайте обсудим наиболее сложные проблемы истории революции с тем, чтобы помочь создать качественные тома двадцатитомной «Истории России». Я очень надеюсь, что Юрий Александрович Петров примет мое предложение. Готов предоставить для такого обсуждения страницы нашего сборника 2024 г. Приглашаю и Юрия Александровича, и Владимира Прохоровича изложить свою позицию по поставленным вопросам. Мы опубликуем точки зрения и других историков при условии наличия определенного научного уровня и уважительной тональности в полемике. Пусть острой, но уважительной.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 743.

¹¹ Carr E. H. The Bolshevik Revolution. N.Y., 1951. Vol. I. P. 100.

¹² Российская революция 1917 года... Т. 2. С. 297–298, 551.